МИЛАНА МОРРИС

MILANA MORRIS

Иногда мы влюбляемся не в людей, а в истории, которые сами себе рассказываем...

ЧЕЛОВЕК, *которого я* ВЫДУМАЛА

THE MAN I MADE UP

A NOVEL

Милана Моррис

Человек, которого я выдумала

«Автор»
2026

Моррис М.

Человек, которого я выдумала / М. Моррис — «Автор», 2026

Семь лет назад Алиса Моррис исчезла из жизни человека, которого любила, оставив позади Лондон, незаконченный роман и воспоминания, в которых теперь не уверена даже она сама.Сегодня её прошлое возвращается неожиданно: загадочные письма, старая фотография, синяя записная книжка и имя девочки, которую Алиса когда-то обещала защищать. Чем глубже она погружается в собственную историю, тем яснее понимает: кто-то намеренно стёр часть её жизни. А люди, которым она доверяла, хранят тайны, способные изменить всё.Кто такая Нора? Почему Дэниел молчал все эти годы? И можно ли доверять воспоминаниям, если однажды ты сама попросила себя забыть? Это история о любви и предательстве, семейных тайнах, потерянной памяти и поиске правды. О том, как трудно отпустить прошлое и как важно однажды перестать жить чужой версией собственной истории.

© Моррис М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 6
Люди, которых мы оставляем 6
Глава вторая 16
Чужое почерковедение 16
Глава третья 26
Семь лет тишины 26
Глава четвёртая 35
Мужчина из прошлого 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Милана Моррис
Человек, которого я выдумала

The Man I Made Up

Глава первая

Люди, которых мы оставляем

Лондон умел хранить чужие тайны.

Он прятал их под мокрым асфальтом узких улиц, за высокими окнами старинных домов, в полумраке пабов, где незнакомцы делились историями, которые никогда не рассказали бы собственным семьям. Он растворял их в тумане над Темзой, оставлял на стекле ночных автобусов, уносил вместе с порывами холодного ветра и возвращал спустя годы — неожиданно, без предупреждения, в тот момент, когда человек уже почти убедил себя, что прошлое осталось позади.

Алиса Беннетт жила в Лондоне достаточно долго, чтобы знать: здесь можно начать новую жизнь, сменить работу, квартиру, круг общения и даже имя, под которым тебя знают миллионы читателей.

Но невозможно изменить город, в котором однажды стало больно.

Особенно если этот город успел стать домом.

В то утро дождь начался ещё до рассвета. Он мелко стучал по высоким окнам квартиры на третьем этаже викторианского дома в Блумсбери, оставляя на стекле тонкие извилистые дорожки. За окном темнели мокрые крыши, красные кирпичные фасады и узкие балконы, на которых забытые кем-то растения покорно переносили очередной каприз английской погоды. Внизу, на тротуаре, прохожие торопились к станциям метро, пряча лица в воротники пальто и раскрывая зонты, которые ветер выворачивал наизнанку с почти издевательским постоянством.

Лондон просыпался без особого желания.

Алиса тоже.

Она лежала на боку, глядя на бледный прямоугольник света под дверью спальни, и пыталась вспомнить, когда в последний раз просыпалась с ощущением, что ей не нужно никуда спешить.

Возможно, прошлым летом.

Возможно, три года назад.

Или в той другой жизни, о которой она предпочитала не думать до первой чашки кофе.

На прикроватной тумбочке вибрировал телефон. Экран вспыхивал один раз за другим, высвечивая сообщения, уведомления и напоминания, которые словно соревновались за право первыми испортить ей утро. Алиса потянулась к телефону, прищурилась и увидела очередное письмо от издателя.

Напоминаем: окончательная версия рукописи должна быть отправлена до пятницы, 18:00.

Она закрыла уведомление.

Потом открыла снова.

Пятница была через четыре дня.

Роман, который должен был стать её лучшей книгой, существовал пока в виде трёхсот страниц, нескольких недописанных глав и одного главного героя, которого Алиса уже начинала ненавидеть за его безупречность.

Марк Эшфорд.

Тридцать два года. Наследник старинной английской семьи. Холодный взгляд, безупречные манеры, привычка замечать то, чего другие не видят. Он не говорил лишнего, никогда не

повышал голос и, разумеется, умел любить женщину так, словно весь остальной мир был лишь незначительным обстоятельством, которое следовало пережить.

Алиса создала его пять лет назад, когда ещё верила, что правильные слова способны исправить неправильные поступки.

С тех пор Марк побывал в четырёх романах, был переведён на двадцать семь языков и стал причиной бесчисленных читательских писем. Женщины признавались, что мечтают встретить такого мужчину. Некоторые писали, что именно его история помогла им пережить развод, предательство или долгие месяцы одиночества.

Одна читательница назвала Марка единственным мужчиной, которому она доверяла.

Алиса тогда долго смотрела на это сообщение.

Потом закрыла ноутбук и пошла мыть чашку, хотя та была совершенно чистой.

В этом заключалась одна из самых странных особенностей писательской жизни: иногда незнакомые люди любили выдуманных тобой персонажей сильнее, чем ты сама могла любить кого-то настоящего.

Она откинула одеяло, поставила босые ноги на прохладный паркет и на несколько секунд замерла, прислушиваясь к тишине.

Квартира была просторной, но не слишком большой. Высокие потолки, лепнина, широкие подоконники и старый камин, который нельзя было использовать по назначению, но который Алиса всё равно украсила свечами. На стенах висели чёрно-белые фотографии Лондона, купленные на блошином рынке, а вдоль книжного шкафа стояли стопки непрочитанных романов, путеводителей и альбомов по архитектуре.

Всё здесь выглядело так, словно хозяйка обладала тонким вкусом и точно знала, чего хочет от жизни.

Это было удачное впечатление.

На самом деле Алиса покупала книги, когда ей становилось одиноко, переставляла мебель, когда не могла уснуть, и иногда часами смотрела на старые здания, потому что в них было что-то успокаивающее. Камень не обещал вечной любви. Дерево не клялось, что никогда не уйдёт. Стены просто стояли на месте, переживая смену жильцов, чужие радости и чужие несчастья.

Наверное, именно поэтому она любила старые дома.

Они не притворялись тем, чем не были.

На кухне пахло молотым кофе и дождём, который проникал даже сквозь закрытые окна. Алиса включила кофемашину, достала из шкафа любимую белую чашку с тонкой золотой полоской по краю и прислонилась бедром к столешнице.

Ей нравилось это время суток — несколько минут между сном и настоящим днём, когда никто ещё не требовал от неё быть остроумной, продуктивной, благодарной или счастливой. Она могла стоять босиком на холодном полу, с растрёпанными волосами и тяжестью недосыпа под глазами, и не думать о том, что тысячи людей представляли её совершенно иначе.

Для читателей Алиса Беннетт была женщиной, которая понимала любовь.

Для литературных обозревателей — автором с редким умением соединять романтику и психологическую глубину.

Для издателя — надёжным именем на обложке, способным превратить очередную историю в международный успех.

Для самой себя она оставалась человеком, который однажды написал счастливый финал и с тех пор старательно избегал вопросов о том, что произошло после последней страницы.

Кофе зашипел, наполняя чашку густым тёмным ароматом.

Алиса закрыла глаза.

Всего на секунду ей показалось, что она снова слышит дождь другого города. Не лондонский — более тёплый, летний, почти ласковый. Она увидела мокрые ступени, полоску света под дверью и мужскую руку на холодной дверной ручке.

Воспоминание возникло так отчётливо, что она резко открыла глаза.

Кофе перелился через край чашки.

— Чёрт, — тихо выдохнула она.

Горячая капля упала на пальцы. Алиса отставила чашку, схватила полотенце и принялась вытирать стол с непропорциональным раздражением, будто именно пролитый кофе был причиной того, что утро вдруг стало невыносимым.

Она не любила воспоминания, которые приходили без приглашения.

Особенно те, в которых не было ничего определённого — только ощущение потери, холод под рёбрами и странная уверенность, что когда-то всё могло сложиться иначе.

Некоторые вещи лучше не вспоминать.

Некоторые — невозможно забыть.

Алиса научилась жить между этими двумя истинами.

К девяти утра дождь немного ослабел, превратившись в серебристую дымку. Небо над Блумсбери оставалось тяжёлым, но между облаками уже пробивались бледные полосы света. Влажные деревья вдоль улицы покачивали ветвями, а в маленьком сквере напротив дома несколько воробьёв деловито прыгали по каменной дорожке, не обращая внимания на людей, которые обходили лужи.

Алиса сидела за письменным столом в комнате, которую называла кабинетом, хотя по размеру она скорее напоминала большую кладовую, случайно получившую окно.

Здесь стоял старый дубовый стол, купленный у антиквара в Хэмпстеде, глубокое кресло с потёртыми подлокотниками, настольная лампа с зелёным абажуром и два высоких стеллажа, заполненных книгами. На подоконнике лежал блокнот, рядом с ним стояла небольшая стеклянная ваза с засохшими веточками эвкалипта. Отопление работало слишком сильно, поэтому в комнате пахло нагретой бумагой, древесиной и чуть сладковатым ароматом свечи, которую Алиса забыла погасить накануне.

Ноутбук был открыт на сто восемьдесят седьмой странице рукописи.

Курсор мигал в конце абзаца.

Алиса смотрела на него уже двенадцать минут.

На экране Марк Эшфорд стоял перед женщиной, которую любил, и пытался объяснить, почему исчез из её жизни на три недели. Сцена должна была быть напряжённой, эмоциональной, наполненной невысказанными признаниями. Алиса уже написала два варианта диалога, три описания его взгляда и один абзац о том, как главная героиня поняла, что любит его сильнее, чем боялась снова оказаться несчастной.

Всё это было красиво.

И совершенно неправдоподобно.

Она выделила последние четыре строки и удалила их.

Затем удалила предыдущий абзац.

Потом закрыла документ.

В тишине кабинета отчётливо щёлкнули часы.

Алиса провела ладонями по лицу и откинулась на спинку кресла. Усталость давно перестала быть следствием бессонных ночей. Она поселилась глубже — в привычке начинать утро с внутреннего сопротивления, в раздражении на собственный успех, в чувстве вины за то, что ей хотелось отложить работу, выйти на улицу и несколько часов прожить жизнь человека, которому не нужно придумывать чужие чувства.

Она могла написать о мужчине, который пересёк океан ради любимой женщины.

Могла заставить его отказаться от наследства, карьеры, гордости и всего, что прежде казалось ему важным.

Могла подобрать слова, от которых у читателей сжималось сердце.

Но стоило ей попытаться описать простое человеческое сожаление — то, которое не превращается в красивую речь, не заканчивается объятием и не исчезает после искреннего признания, — как слова становились чужими.

Она слишком хорошо знала, что сожаление не всегда означает желание всё исправить.

Иногда человек жалеет о том, что причинил боль, и всё равно не возвращается.

Иногда любит и всё равно уходит.

А иногда молчит так долго, что однажды молчание становится единственной версией правды, в которую способны поверить оба.

Алиса отвернулась от экрана.

На полке над столом стояла фотография, которую она почти никогда не замечала. На ней она была моложе, волосы свободно падали на плечи, а лицо казалось удивительно открытым. Фотографию сделали летом, когда будущее ещё представлялось ей длинной дорогой, полной возможностей, а не комнатой, в которой она годами обходила одну и ту же закрытую дверь.

Рядом с ней на снимке стоял мужчина.

Его лицо было частично скрыто тенью.

Алиса не стала смотреть на него дольше обычного.

Она давно научилась не задерживать взгляд на вещах, которые способны вернуть её туда, откуда она так старательно выбиралась.

Вместо этого она взяла телефон и открыла почту.

Новое сообщение от издательства пришло десять минут назад.

Тема письма гласила: «Лондонская презентация — окончательное подтверждение».

Алиса прочитала текст дважды.

Её последний роман выходил в Великобритании через месяц. Издательство планировало серию встреч с читателями, интервью и большую презентацию в одном из книжных пространств Ковент-Гардена. В письме были перечислены даты, адреса, имена журналистов и список обязательных мероприятий. Всё выглядело безупречно организованным и совершенно неизбежным.

В конце стояла отдельная строка:

Мы также пригласили несколько представителей литературного сообщества и партнёров издательства. Полный список гостей направим позднее.

Алиса закрыла письмо.

Она не любила мероприятия, на которых требовалось объяснять, откуда берутся идеи для книг. Обычно она отвечала что-нибудь о наблюдениях за людьми, случайных разговорах и способности замечать красоту в повседневности. Это были не совсем ложные ответы, но и правдой они не являлись.

Правда была куда менее удобной.

Некоторые истории рождались из того, что она видела.

Другие — из того, чего ей не удалось понять.

А самые успешные появлялись там, где воспоминания становились невыносимыми, а вымысел предлагал возможность изменить хотя бы конец.

В этом смысле Марк Эшфорд был её самым удачным произведением.

Он никогда не совершал поступков, которые невозможно простить. Не исчезал без объяснений. Не заставлял женщину гадать, была ли она любима. Если причинял боль, то понимал её последствия. Если уходил, то оставлял письмо. Если возвращался, то возвращался не потому, что ему стало одиноко, а потому, что наконец осознал цену собственной ошибки.

Марк всегда находил правильные слова.

И всегда приходил вовремя.

Алиса иногда задавалась вопросом, не поэтому ли он так нравился читателям.

И не поэтому ли ей самой становилось всё труднее писать о нём.

В полдень она заставила себя выйти из дома.

Ей требовался воздух, нормальная еда и хотя бы час вдали от рукописи. Она надела тёмно-синее пальто, обмотала шею мягким серым шарфом и сунула телефон в сумку. Перед выходом задержалась у зеркала в прихожей.

Отражение смотрело на неё спокойно и немного устало.

Двадцать восемь лет. Светлые волосы, которые никогда не укладывались так, как ей хотелось. Серо-голубые глаза, из-за которых незнакомцы часто принимали её за более холодного человека, чем она была на самом деле. Тонкая линия губ, придававшая лицу задумчивое выражение даже тогда, когда она просто пыталась вспомнить, выключила ли утюг.

Алиса выглядела женщиной, у которой всё под контролем.

Иногда ей казалось, что именно это и было её главным талантом.

Не писать романы.

Не понимать людей.

А создавать впечатление, что внутри неё давно всё расставлено по местам.

На улице пахло мокрым камнем, кофе и свежим хлебом из пекарни на углу. Воздух был холодным, но не резким; ветер шевелил края пальто, а редкие капли дождя оседали на волосах. По дороге к Рассел-скверу Алиса прошла мимо маленького книжного магазина, в витрине которого лежали несколько экземпляров её предыдущего романа.

Она остановилась.

На обложке был изображён мужчина, стоявший спиной к морю. Его лицо скрывала тень, а под названием книги золотыми буквами было напечатано её имя.

Алиса смотрела на обложку с неожиданным чувством отчуждения.

Она помнила, как писала эту историю. Помнила ночи, проведённые за столом, холодный чай, бессмысленные исправления и ту странную лёгкость, с которой однажды появилась последняя глава. Она закончила рукопись в феврале, в тот день, когда за окном шёл снег, и впервые за много месяцев почувствовала, что внутри неё стало немного тише.

Теперь книга стояла в витрине среди десятков других историй, готовая отправиться к незнакомым людям.

Кто-то купит её в подарок.

Кто-то прочитает в самолёте.

Кто-то оставит на прикроватной тумбочке и забудет.

А кто-то, возможно, узнает в ней собственную жизнь.

Мысль почему-то показалась Алисе пугающей.

Она отвернулась от витрины и пошла дальше.

В небольшом кафе на соседней улице было тепло и почти пусто. Высокие окна выходили на мокрый тротуар, стены украшали старые афиши, а за стойкой тихо играла музыка, которую Алиса не узнала. Она заказала суп и кофе, выбрала столик у окна и достала блокнот.

Писать от руки ей нравилось больше, чем печатать. Бумага не требовала немедленных решений, не подчёркивала ошибки красными линиями и позволяла оставить мысль незавершённой. В блокноте можно было перечеркнуть предложение, нарисовать на полях дерево или просто поставить точку там, где больше нечего было сказать.

На чистой странице она написала:

Марк никогда не опаздывает.

Посмотрела на фразу.

Зачеркнула её.

Ниже вывела:

Марк всегда знает, когда нужно вернуться.

На этот раз ручка остановилась раньше, чем она закончила точку.

Алиса почувствовала, как внутри медленно сжалось что-то знакомое. Не боль даже, а предчувствие боли — то самое неприятное мгновение, когда тело вспоминает раньше разума.

Она закрыла блокнот.

За окном женщина в красном пальто пыталась одной рукой удержать зонт, а другой — застегнуть куртку маленького мальчика. Мальчик смеялся, вертелся и совершенно не понимал, почему взрослые так серьёзно относятся к дождю. У перехода стоял пожилой мужчина с бумажным пакетом, прижимая его к груди, чтобы не намокли покупки. По дороге медленно проехал чёрный автомобиль, разбрызгав воду у бордюра.

Обычный день.

Ничего особенного.

Алиса всегда любила наблюдать за незнакомцами. В их жизнях существовала лёгкость, недоступная человеку, который слишком хорошо знал собственную историю. Они могли идти рядом, случайно встретиться взглядами, улыбнуться или не заметить друг друга, не подозревая, что для кого-то станут воспоминанием на годы.

Возможно, каждый человек был чьей-то незаконченной историей.

Возможно, кто-то где-то помнил её не такой, какой она стала.

Эта мысль преследовала её последние несколько месяцев, хотя она не могла объяснить почему. Иногда ей казалось, что она просто устала. Иногда — что приближается очередная годовщина, которую она давно перестала отмечать. Но чаще всего причина оставалась неопределённой: едва уловимое беспокойство, будто в глубине её жизни что-то сдвинулось и теперь медленно приближалось к поверхности.

Она достала телефон, чтобы проверить время.

На экране появилось уведомление о новом письме.

Отправитель: **неизвестный адрес**.

Тема отсутствовала.

Алиса нахмурилась. Обычно она не открывала сообщения от незнакомцев, особенно после того, как один из её романов стал предметом обсуждения в социальных сетях. Читатели писали ей каждый день, иногда присылали собственные истории, фотографии, стихи и длинные признания. Большинство писем были трогательными. Некоторые — слишком личными. Несколько приходилось отправлять в архив, не дочитывая.

Она уже собиралась удалить сообщение, когда заметила, что в строке предварительного просмотра нет ни приветствия, ни подписи.

Только одна фраза.

Ты всё ещё заканчиваешь истории за других людей.

Алиса перечитала её.

Потом ещё раз.

Слова были простыми, почти безобидными. В них не было угрозы, обвинения или прямого указания на то, кто их отправил. Любой человек, знакомый с её книгами, мог написать нечто подобное.

И всё же пальцы неожиданно похолодели.

Она почувствовала себя так, словно кто-то вошёл в комнату, пока она спала, и переставил предметы на несколько сантиметров. Ничего не исчезло. Ничего не было сломано. Но привычный порядок больше не казался надёжным.

Алиса открыла письмо.

Текст состоял из одной строки.

Некоторые истории заканчиваются только потому, что один человек перестаёт рассказывать правду.

Ниже не было имени, подписи или номера телефона.

Только прикреплённый файл.

Название: **M_Eshford_final.docx**.

Алиса долго смотрела на экран.

Марк Эшфорд.

Её герой.

Персонаж, которого она придумала пять лет назад и которому никогда не позволяла существовать за пределами страниц. Файл мог быть обычной шуткой. Кто-то мог скачать отрывок её романа, переименовать документ и отправить его ради внимания. Это объяснение было разумным, простым и вполне достаточным.

Она знала, что должна закрыть письмо.

Знала, что не обязана отвечать незнакомцу.

Знала, что люди порой находят удовольствие в том, чтобы задевать чужие слабые места, особенно когда эти слабости выставлены на всеобщее обозрение.

Но файл не был похож на вложение из опубликованной книги.

В названии стояло слово *final*.

Окончательный.

Алиса почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Она не открывала вложение сразу. Вместо этого заблокировала телефон, положила его на стол экраном вниз и попыталась вернуться к супу, который успел остыть. Несколько минут она смотрела в окно, наблюдая за дождём, который снова усилился и теперь стекал по стеклу длинными прозрачными полосами.

В кафе стало шумнее. Кто-то вошёл, стряхивая воду с зонта. За соседним столиком засмеялась молодая пара. Бариста поставил чашку перед женщиной у стойки и пожелал ей хорошего дня.

Мир продолжал жить.

И это почему-то раздражало сильнее всего.

Алиса снова взяла телефон.

Файл был небольшим. Она скачала его, открыла документ и увидела несколько страниц текста. Форматирование отличалось от её привычного: старый шрифт, широкие поля, нумерация внизу. В верхнем углу первой страницы стояла дата, которую она не сразу осознала.

Семь лет назад.

В груди возникло неприятное ощущение, похожее на внезапное падение в лифте.

Она прокрутила документ вниз.

Первый абзац начинался с описания дождливого вечера. Второй — с женщины, которая стояла в коридоре и держала в руках пальто. В третьем появлялся мужчина, чьё имя не было указано.

Алиса перестала дышать на несколько секунд.

Она узнавала эти детали.

Не потому, что когда-либо использовала их в своих романах. Не потому, что они были характерными или особенно оригинальными.

Она узнавала их так, как узнают запах дома, в котором выросли, или мелодию, которую не слышали много лет, но всё ещё способны напеть без единой ошибки.

Пальто.

Коридор.

Дождь за закрытым окном.

И фраза, которую она помнила слишком хорошо, хотя никогда не записывала её ни в одном блокноте.

«Ты ведь понимаешь, что однажды тебе придётся рассказать, как всё было на самом деле».

Алиса отодвинула телефон.

На мгновение ей показалось, что стены кафе приблизились, а шум голосов стал глухим, словно она оказалась под водой. Она смотрела на экран, но буквы расплывались. Сердце билось слишком быстро. Под рёбрами поднималось чувство, которое она не испытывала уже много лет, — не страх перед неизвестностью, а ужас перед тем, что неизвестность может оказаться знакомой.

Она не дочитала документ.

Не стала искать свойства файла или пытаться выяснить, кто его отправил.

Вместо этого закрыла ноутбук, убрала телефон в сумку и почти бегом вышла на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо. Дождь намочил волосы, воротник пальто и ресницы. Алиса остановилась под навесом соседнего магазина, прижала ладонь к груди и заставила себя сделать несколько медленных вдохов.

Она была в Лондоне.

На улице, по которой ходила почти каждый день.

В городе, где её никто не знал по-настоящему.

Семь лет прошло.

Семь лет — достаточно долго, чтобы закончить университет, сменить страну, написать несколько романов и убедить себя, что определённые события принадлежат прошлому.

Достаточно долго, чтобы научиться говорить о них без дрожи в голосе.

Но, оказывается, недостаточно долго, чтобы перестать помнить.

Она достала телефон снова.

Письмо всё ещё было открыто. Адрес отправителя представлял собой бессмысленный набор букв и цифр. Никакой фотографии, имени или другой информации. Алиса проверила время отправки.

Сообщение пришло в 9:17 утра.

Чуть больше трёх часов назад.

Она вдруг вспомнила, что именно в 9:17 стояла у кофемашины и смотрела на пролитый кофе. Тогда ей показалось, будто она услышала чей-то голос из другой жизни.

Алиса медленно опустила руку.

Совпадение.

Разумеется, совпадение.

Она повторила это слово про себя несколько раз, словно от частоты повторения оно могло превратиться в неоспоримый факт.

Затем открыла вложение ещё раз.

На последней странице, в самом низу, после нескольких абзацев, которые она не успела прочитать, стояла короткая строка.

Без даты.

Без пояснений.

Без подписи.

Ты изменила конец.

Алиса почувствовала, как мир вокруг неё стал неестественно чётким: мокрый камень под ногами, отражение красного светофора в луже, тонкая трещина на стене дома напротив, капля воды, медленно сползающая по рукаву её пальто.

Она знала, что это означает.

Именно поэтому отказывалась произносить это вслух.

Когда-то она действительно изменила конец одной истории.

Не романа.

Настоящей истории.

И с тех пор прожила семь лет, убеждая себя, что у неё было на это право.

Алиса закрыла документ.

Потом удалила письмо из входящих.

Через секунду открыла папку с удалёнными сообщениями и убедилась, что файл всё ещё там.

Она не знала, чего боялась больше: того, что отправитель обнаружит её реакцию, или того, что он никогда больше не напишет.

Вечером, вернувшись домой, она долго стояла у окна кабинета, не включая свет. За стеклом медленно сгущались сумерки. В окнах соседних домов зажигались лампы, превращая улицу в череду маленьких золотых прямоугольников. По мокрой дороге проезжали машины, их фары скользили по фасадам и исчезали за поворотом. Где-то внизу хлопнула входная дверь, затем послышались шаги на лестнице.

Обычные звуки.

Обычный вечер.

Алиса смотрела на собственное отражение в стекле и пыталась понять, почему вдруг почувствовала себя гостьей в собственной жизни.

На столе лежала рукопись.

Сто восемьдесят семь страниц.

Марк Эшфорд ждал, когда она решит, что ему сказать.

Алиса села за компьютер, открыла документ и перечитала последний абзац. Потом выделила его целиком.

Курсор мигал на экране.

Она могла продолжить работу. Могла написать сцену, в которой Марк возвращался к женщине, которую любил, и объяснял всё, что прежде скрывал. Могла придумать ему оправдание, сделать его поступки понятными и подарить обоим счастливый конец.

Она умела это делать.

Но впервые за долгое время ей захотелось написать правду.

Не красивую.

Не удобную.

Не ту, которую можно напечатать на страницах книги и отправить незнакомцам по всему миру.

Настоящую.

Алиса положила пальцы на клавиатуру.

В пустом документе появилась первая строка:

Есть вещи, которые мы выдумываем, чтобы пережить то, что произошло на самом деле.

Она остановилась.

За окном дождь снова усилился.

В глубине квартиры негромко щёлкнули часы, отсчитывая минуты до полуночи.

Алиса перечитала написанное, затем сохранила документ под новым названием:

The Man I Made Up.

Она ещё не знала, что именно собирается рассказать.

Не знала, кто отправил ей письмо.

И уж точно не знала, что через несколько дней увидит человека, которого столько лет пыталась оставить в прошлом.

Пока ей было известно только одно.

Кто-то помнил историю, которую она считала своей.

И этот кто-то знал, чем она закончилась на самом деле.

Глава вторая

Чужое почерковедение

Утро началось с тумана.

Он лежал над Лондоном плотным серым покрывалом, скрывая верхушки зданий и размывая очертания улиц. Из окна спальни Алиса видела только противоположный дом, мокрые ветви дерева у тротуара и фонарь, который по какой-то причине всё ещё горел, хотя рассвет давно вступил в свои права. Мир за стеклом казался незавершённым, словно кто-то начал рисовать город, но в последний момент передумал добавлять детали.

Алиса не спала почти всю ночь.

Она лежала на спине, слушая, как дождь то усиливается, то затихает, и снова возвращалась мыслями к письму. Несколько раз она вставала, чтобы выпить воды. Один раз дошла до кабинета, включила компьютер и открыла удалённые сообщения. В половине четвёртого утра она даже попыталась найти отправителя по адресу электронной почты, но получила лишь бессмысленную последовательность символов и сообщение об отсутствии доступных данных.

Ничего.

Никаких следов, которые можно было бы назвать доказательством.

И всё же тревога не отпускала.

Алиса знала, как работает воображение. Она зарабатывала на жизнь тем, что находила смысл в случайных жестах, придумывала скрытые мотивы и превращала обычные события в истории, от которых читатели не могли оторваться. Она умела создавать напряжение там, где его не существовало, и находить трагедию в неосторожно произнесённом слове.

Поэтому она не доверяла собственным выводам.

Возможно, кто-то прочитал её книги и решил устроить странную игру. Возможно, файл был собран из старых черновиков, которые когда-то случайно попали в интернет. Возможно, письмо вообще не имело отношения к тому, о чём она подумала.

Слово «возможно» казалось достаточно надёжным, чтобы держаться за него.

Но существовала одна деталь, которую нельзя было объяснить читательским любопытством.

Дата.

Семь лет назад.

Алиса помнила тот период своей жизни слишком хорошо, хотя предпочитала хранить его в памяти отдельными фрагментами. Не потому, что события были особенно драматичными. Напротив, страшнее всего было то, насколько обычными они казались тогда. Люди ходили на работу, покупали продукты, назначали встречи, жаловались на погоду. Мир не останавливался ни на минуту, даже когда внутри неё рушилось что-то, чему она прежде доверяла.

Потом прошло время.

Она переехала.

Начала писать.

Впервые увидела своё имя на обложке книги.

Потом появилась вторая обложка, третья, четвёртая. Чужие письма, интервью, фотографии, бесконечные поздравления. Постепенно прошлое стало казаться историей, которую она уже рассказала самой себе достаточно раз, чтобы перестать сомневаться в её завершённости.

До вчерашнего дня.

Теперь ей казалось, что она не закончила эту историю, а просто перестала читать.

Алиса перевернулась на бок и посмотрела на часы.

Семь двадцать.

Она закрыла глаза, но сон не вернулся.

В конце концов пришлось признать поражение.

К восьми утра туман начал рассеиваться. Над крышами показалась узкая полоса светлого неба, и мокрые фасады соседних домов приобрели привычный красновато-коричневый оттенок. Алиса приняла душ, собрала волосы в небрежный пучок и надела чёрные брюки с мягким кремовым свитером. На кухне она приготовила кофе, но так и не прикоснулась к нему, пока не остыл.

Телефон лежал рядом с чашкой.

Она несколько раз брала его в руки, открывала почту и закрывала, не находя ничего нового. Это было одновременно облегчением и разочарованием, которое она не хотела признавать даже перед самой собой.

К девяти часам Алиса решила, что ей необходимо заняться чем-то конкретным.

Не пытаться разгадать письмо.

Не возвращаться к воспоминаниям.

Не позволять неизвестному человеку управлять её днём.

Она отправилась в кабинет, включила компьютер и открыла рукопись. Несколько минут читала последние страницы, стараясь восстановить рабочий настрой. Затем исправила неудачную фразу, изменила описание комнаты и добавила абзац о том, как героиня замечает на руке любимого мужчины едва заметный след от старого ожога.

Работа начала поддаваться.

Слова возвращались медленно, но возвращались.

Алиса почти убедила себя, что вчерашний вечер был следствием усталости, когда в дверь позвонили.

Звук оказался неожиданно громким.

Она подняла голову и посмотрела на часы. Девять сорок три.

В это время обычно никто не приходил без предупреждения. Соседи предпочитали писать сообщения, курьер должен был доставить посылку только после полудня, а уборщица появлялась по четвергам.

Звонок повторился.

Алиса отложила ноутбук и вышла в прихожую.

За матовым стеклом двери виднелся силуэт человека.

— Кто там?

— Доставка для мисс Беннетт.

Голос принадлежал молодому мужчине. Алиса открыла дверь и увидела курьера в тёмной куртке с сумкой через плечо. Он протянул ей небольшую плоскую коробку, попросил расписаться на экране телефона и, получив подтверждение, быстро спустился по лестнице.

Никакого ожидания.

Никакого странного взгляда.

Обычная доставка.

На коробке не было логотипа магазина. Только её имя и адрес, напечатанные на белой наклейке. В графе отправителя стоял прочерк.

Алиса закрыла дверь.

Она долго держала коробку в руках, оценивая её вес. Внутри что-то едва слышно переместилось, когда она повернулась. Посылка была слишком лёгкой для книги и слишком плоской для большинства вещей, которые она обычно заказывала.

Возможно, это подарок от издательства.

Возможно, рекламные материалы к презентации.

Возможно, ошибка.

Она поставила коробку на столик в прихожей и вернулась в кабинет, решив сначала закончить абзац.

Но теперь слова не имели смысла.

Каждый звук в доме заставлял её оборачиваться. Когда за стеной включили воду, она вздрогнула. Когда на лестнице раздались шаги, задержала дыхание. Собственное поведение раздражало её, но избавиться от него не получалось.

В половине одиннадцатого она вернулась к коробке.

На этот раз Алиса взяла нож для бумаги и аккуратно разрезала упаковочную ленту.

Внутри лежал старый блокнот.

Тёмно-синяя обложка, потёртые углы, тонкая резинка, растянувшаяся от времени. На передней стороне не было ни надписи, ни имени. Только светлый прямоугольник, оставшийся от наклейки, которую когда-то сняли.

Алиса сразу узнала блокнот.

Она не просто видела его прежде.

Она держала его в руках сотни раз.

Когда-то он лежал в её сумке, ездил с ней в университет, хранил первые наброски рассказов и списки книг, которые она собиралась прочитать. На его страницах были заметки о лекциях, смешные фразы, случайные наблюдения за людьми и первые попытки написать что-то длиннее нескольких страниц.

Но в какой-то момент блокнот исчез.

Алиса помнила, что искала его несколько дней. Перевернула содержимое сумки, разобрала письменный стол, проверила коробки с бумагами. Потом решила, что оставила его в чужой квартире или потеряла в транспорте.

Она даже не сразу заметила, как перестала о нём вспоминать.

Теперь он лежал перед ней, словно всё это время просто ждал подходящего момента.

Алиса осторожно коснулась обложки.

Материал стал мягче, на сгибах появились мелкие трещины. Резинка больше не держала страницы плотно, и несколько листов выступали наружу. На внутренней стороне обложки всё ещё виднелся маленький полукруглый след от чашки — бледное пятно, которое она когда-то пыталась вывести влажной салфеткой.

Это был её блокнот.

Настоящий.

И никакая фотография из интернета не могла объяснить, откуда он взялся у неизвестного отправителя.

Алиса села на край дивана.

Первой мыслью было немедленно позвонить в полицию. Второй — обратиться к издателю, который, возможно, знал о каких-то старых материалах. Но обе идеи казались преждевременными. Пока никто не угрожал ей напрямую. Ей вернули вещь, которую она потеряла много лет назад.

И всё же человек, который это сделал, знал, где она живёт.

Эта мысль оказалась куда неприятнее, чем сам блокнот.

Алиса поднялась, проверила замок на двери, затем вернулась к дивану и положила блокнот на колени.

Ей нужно было понять, что именно находилось внутри.

Первые страницы оказались такими, какими она их помнила.

Неровный почерк, наклонённые буквы, слишком большие пробелы между словами. На полях — случайные рисунки, стрелки, подчёркивания и маленькие звёздочки, которые она ставила рядом с особенно удачными фразами. Некоторые записи были сделаны синими чер-

нилами, другие — чёрными. В нескольких местах бумага слегка пожелтела, а края страниц потемнели от времени.

Алиса перелистывала их медленно.

Вот список книг, которые ей советовала преподавательница литературы.

Вот набросок рассказа о девушке, которая боялась дождя.

Вот перечень покупок, среди которых значились кофе, молоко, яблоки и совершенно непонятное слово, которое она, вероятно, записала на ходу.

Потом пошли заметки о людях.

Она узнала несколько имён, вспомнила университетские аудитории, шумные вечера в маленьких кафе и длинные прогулки, когда казалось, что весь мир открыт перед ней. На одной странице сохранился рисунок старого здания с башенкой и узкими окнами. На другой — несколько строк о том, как меняется город после полуночи.

Алиса улыбнулась.

Воспоминания на мгновение стали почти приятными. Она увидела себя прежнюю: упрямую, увлечённую, немного наивную. Девушку, которая могла потратить последние деньги на книгу, забыть о времени за разговором и искренне верить, что однажды всё обязательно сложится именно так, как она задумала.

Она почти забыла о причине, по которой блокнот оказался перед ней.

Пока не перевернула страницу.

Почерк изменился.

Не сильно, но достаточно, чтобы она заметила разницу. Буквы стали мельче, строки — ровнее. Некоторые слова были написаны с нажимом, будто человек слишком крепко держал ручку. На полях появилась дата.

Сентябрь.

Семь лет назад.

Алиса замерла.

Под датой стояло имя.

Daniel.

Она почувствовала, как пальцы сами собой сжались на краю страницы.

Дэниел.

Имя, которое она не произносила вслух уже несколько лет.

Оно принадлежало тому периоду её жизни, который она никогда не описывала в интервью, не обсуждала с друзьями и не использовала в публичных историях. Даже в собственных романах она избегала его — не из суеверия, а потому, что любое упоминание казалось ей слишком близким к тому, что она старалась сохранить за пределами вымысла.

Она медленно вдохнула.

Имя могло быть случайным. В мире существовали тысячи Дэниелов. Она могла написать его сама, забыть об этом, а теперь приписывать старой записи значение, которого у неё никогда не было.

Но ниже стояла ещё одна фраза.

Он не умеет прощаться.

Алиса закрыла глаза.

Она помнила, как написала эти слова. Помнила даже ручку, которой пользовалась в тот вечер, и маленькое кафе, где сидела у окна, наблюдая за людьми на улице. Тогда фраза казалась ей удачной характеристикой человека, который не любил объяснять свои поступки.

Теперь она выглядела почти обвинением.

Алиса продолжила листать страницы.

В блокноте было несколько записей о Дэниеле, сделанных в разные дни. Никаких подробностей, которые могли бы объяснить их отношения. Только отдельные мысли, короткие наблюдения и фразы, смысл которых становился понятен лишь ей самой.

Он всегда замечает, когда я лгу.

У него ужасная привычка молчать именно тогда, когда нужно что-то сказать.

Я ненавижу, что рядом с ним мне хочется быть лучше.

На последней записи Алиса остановилась надолго.

Она провела пальцем по буквам, словно надеялась, что прикосновение позволит ей вернуть не только слова, но и то состояние, в котором они были написаны.

Тогда ей казалось, что она знает Дэниела.

Теперь она не была уверена даже в том, знала ли его когда-нибудь.

В конце раздела находилась страница, вырванная почти полностью. Остался лишь узкий край бумаги у корешка, неровный и светлый. Кто-то не просто вырвал её — сделал это аккуратно, стараясь не повредить соседние листы.

Алиса поднесла блокнот к окну.

На внутренней стороне корешка виднелись слабые следы чернил. Она наклонила страницу, пытаясь разобрать буквы, но различила лишь несколько фрагментов.

«…не должна была…»

«…если узнает…»

И ниже — часть слова, которое могло быть именем, а могло оказаться случайным росчерком пера.

Она отложила блокнот и долго смотрела на пустое место, где когда-то находилась страница.

Кто-то вернул ей вещь из прошлого, но перед этим изменил её.

Это уже не было случайностью.

Алиса достала телефон и сфотографировала записи. Затем проверила упаковку, наклейку, каждую сторону коробки. Никакого обратного адреса. Никаких документов. Никакой квитанции, которая позволила бы выяснить, откуда отправили посылку.

Она снова открыла вчерашнее письмо.

Адрес отправителя по-прежнему ничего не говорил.

Алиса набрала короткое сообщение:

Кто вы?

Она перечитала его и не отправила.

Вопрос казался слишком простым. Если человек хотел напугать её, он уже получил желаемое. Если хотел что-то сообщить, то мог сделать это сам. А если за письмом и посылкой стоял кто-то, кого она знала, то ответ мог оказаться гораздо страшнее молчания.

Она удалила текст.

Затем убрала блокнот в ящик стола, заперла его и спрятала ключ в карман пальто.

Впервые за долгое время ей захотелось позвонить кому-нибудь просто для того, чтобы услышать знакомый голос. Не говорить о письме, не объяснять, что произошло, не искать совета. Просто убедиться, что существует жизнь, в которой ничего не изменилось.

Она открыла список контактов.

Палец остановился на имени Джеймса Рида.

Джеймс был её редактором и одним из немногих людей, рядом с которыми Алиса не чувствовала необходимости постоянно подбирать слова. Они познакомились три года назад, когда издательство решило выпустить её первый роман в Великобритании. Он оказался внимательным, терпеливым и удивительно спокойным человеком, способным прочитать пятьдесят страниц сложного текста и задать один вопрос, который заставлял переписать половину главы.

За это время их отношения стали теплее, чем обычная профессиональная дружба, хотя никто из них не пытался определить, что именно это означало. Джеймс никогда не требовал от неё откровенности, но умел замечать, когда она уставала. Иногда присылал книги без объяснений. Иногда звонил поздно вечером, чтобы обсудить абзац, который можно было спокойно обсудить на следующий день.

Он был надёжным.

Предсказуемым.

Безопасным.

И именно поэтому Алиса не хотела втягивать его в то, что происходило сейчас.

Она закрыла контакты.

В этот момент телефон зазвонил.

На экране появилось имя Виктории Хейл.

Алиса ответила почти сразу.

Виктория была её литературным агентом, женщиной с безупречными манерами и способностью превратить любую проблему в пункт списка задач. Она носила дорогие костюмы, никогда не опаздывала и считала, что личные кризисы следует переживать после того, как будут отправлены все необходимые письма.

— Доброе утро, дорогая. Надеюсь, ты уже посмотрела расписание презентации.

Алиса посмотрела на окно.

— Пока нет.

— Тогда посмотри. Нам нужно подтвердить даты до вечера. И ещё один момент: издательство хочет, чтобы ты присутствовала на закрытом приёме после презентации. Ничего официального, просто несколько важных людей.

Алиса провела ладонью по столу, ощущая под пальцами тонкую полоску древесины.

— Кто именно?

— Полный список ещё уточняется. Но будут представители нескольких издательств, пара журналистов и люди, с которыми тебе полезно познакомиться. Ты ведь понимаешь, насколько важен этот запуск.

Конечно, понимала.

Её книги выходили в разных странах, издательство вкладывало деньги в продвижение, а литературный агент уже обсуждала возможный контракт на следующую историю. Отказываться от мероприятий без серьёзной причины было бы непрофессионально.

Алиса заставила себя сосредоточиться на разговоре.

— Хорошо. Пришли мне список, когда он будет готов.

— Обязательно. И ещё, — Виктория на секунду замолчала, словно вспомнила что-то важное. — Ты в последнее время не получала странных писем от читателей?

Алиса перестала двигаться.

Вопрос прозвучал буднично. Виктория могла спросить о чём угодно: о реакции на последнюю книгу, о рекламных предложениях, о новом интервью. И всё же после вчерашнего письма даже обычная фраза казалась частью чего-то большего.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ничего особенного. В издательство поступило несколько сообщений от людей, которые утверждают, что знают прототипа твоего главного героя. Обычно подобное случается после выхода книги. Просто хочу убедиться, что никто не перешёл границы.

Алиса почувствовала, как напряжение медленно возвращается в плечи.

— Нет. Ничего серьёзного.

Она сказала это слишком быстро.

На другом конце линии возникла короткая пауза.

— Если что-то появится, сразу сообщи мне. Хорошо?

— Хорошо.

Разговор закончился через несколько минут. Виктория напомнила о сроках рукописи, попросила прислать обновлённую биографию для пресс-релиза и пообещала вернуться с подробностями презентации.

Всё было совершенно обычным.

Но Алиса ещё долго держала телефон у уха после того, как связь прервалась.

Издательство получило сообщения о прототипе Марка.

Она не знала, что именно написали эти люди. Не знала, сколько их было и имели ли они какое-либо отношение к вчерашнему письму.

Однако впервые за утро появилось объяснение, которое не требовало верить в случайности.

Кто-то искал человека, которого она выдумала.

И кто-то, возможно, знал, что он не был полностью вымышленным.

К вечеру туман окончательно рассеялся, оставив после себя низкое серое небо и влажный блеск на крышах. Ветер усилился, загоняя опавшие листья под припаркованные автомобили. В соседнем доме зажглись лампы, и их свет отразился в окне кабинета, наложившись на бледное отражение Алисы.

Она весь день пыталась работать.

Удалось написать меньше двух страниц.

Каждый раз, когда взгляд возвращался к экрану, ей казалось, что между строками существует что-то ещё — смысл, который она не замечает, потому что слишком старается увидеть привычную историю. Она исправляла фразы, меняла порядок предложений, удаляла целые абзацы, но Марк оставался чужим. Его уверенность раздражала её. Его способность понимать чувства других людей казалась почти оскорбительной.

В какой-то момент Алиса закрыла рукопись и открыла чистый документ.

Она написала имя Дэниела.

Потом удалила.

Снова написала.

На этот раз оставила.

Она не собиралась рассказывать о нём. Не собиралась возвращаться к событиям семилетней давности. Но ей нужно было понять, почему человек, которого она считала давно исчезнувшим из её жизни, вдруг снова оказался так близко.

Алиса открыла браузер и ввела его полное имя.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем на экране появились результаты поиска: старые университетские страницы, упоминания благотворительных мероприятий, фотографии с официальных приёмов и короткие статьи о семье Уитмор.

Она не сразу заметила, что задержала дыхание.

Семь лет назад Дэниел Уитмор был человеком, который не любил фотографироваться. Он мог часами говорить о книгах, спорить об архитектуре и смеяться над собственными неудачами, но при виде камеры неизменно отворачивался. Ему казалось, что люди слишком часто принимают фотографию за доказательство того, что действительно знают человека.

Теперь его имя появлялось рядом со словами, которые она не ожидала увидеть.

Совет директоров.

Инвестиционная группа.

Благотворительный фонд.

Алиса открыла одну из статей.

На фотографии мужчина в тёмном костюме стоял у входа в старинное здание, окружённый несколькими людьми. Он был старше, чем на её воспоминаниях, и выглядел иначе: черты лица стали резче, плечи шире, взгляд — спокойнее. Волосы были аккуратно уложены,

на запястье виднелись часы, а выражение лица напоминало человека, который привык контролировать не только собственные слова, но и то, какое впечатление производит на окружающих.

Она долго смотрела на фотографию.

Время изменило его.

Это было очевидно.

Но дело было не в возрасте, одежде или выражении лица. Что-то в его взгляде заставляло Алису чувствовать себя так, словно между ними никогда не существовало этих семи лет. Словно он просто вышел из комнаты, оставив её ждать, а теперь вернулся и обнаружил, что она всё ещё стоит на том же месте.

Она закрыла страницу.

Потом открыла снова.

Внизу статьи была указана должность Дэниела и название компании, которую он возглавлял вместе с несколькими партнёрами. Ниже располагался список предстоящих мероприятий.

Одно из них было посвящено поддержке независимых издательств и литературных проектов.

Дата совпадала с презентацией её книги.

Алиса почувствовала, как по спине прошёл холод.

Это ничего не доказывало.

Дэниел мог не иметь отношения к издательству. Его компания могла участвовать в мероприятии по совершенно другим причинам. Он мог даже не знать, что она будет там.

Она повторяла эти мысли, пока они не стали звучать почти убедительно.

Затем вернулась к почте и открыла письмо с неизвестного адреса.

Внизу по-прежнему лежал прикреплённый файл.

Алиса прокрутила его до последней страницы и внимательно посмотрела на дату. Она была написана в том же формате, которым пользовались в университете. Мелкая деталь, не имеющая особого значения для постороннего человека.

Но она знала, что Дэниел всегда записывал даты именно так.

Месяц.

День.

Год.

Алиса закрыла ноутбук.

В комнате стало тихо.

За окном ветер качнул ветви дерева, и несколько капель сорвались с листьев на подоконник. На улице кто-то рассмеялся, затем послышался звук закрывающейся автомобильной двери. Город продолжал существовать, не подозревая, что в одной из его квартир женщина медленно теряет уверенность в собственной памяти.

Она подошла к книжному шкафу и провела пальцами по корешкам романов.

Пять лет назад она придумала Марка Эшфорда.

Дала ему лицо, привычки, манеру говорить и способность любить так, как ей самой всегда хотелось, чтобы любили её. Она перенесла в него отдельные черты человека, которого знала, но изменила всё, что считала неприемлемым. Убрала молчание. Убрала сомнения. Убрала поступки, которые нельзя было объяснить красивыми словами.

Она сделала его лучше.

И читатели полюбили его за это.

Но если кто-то сохранил её старый блокнот, если кто-то отправил ей документ с фразами из той жизни, которую она никогда не описывала публично, то вопрос заключался уже не в том, существовал ли прототип Марка.

Вопрос был в том, почему этот человек решил напомнить о себе именно сейчас.

И что он хотел получить в ответ.

Алиса вернулась к столу, открыла ящик и достала блокнот.

Она не собиралась перечитывать записи. По крайней мере, так она сказала себе, когда положила его рядом с ноутбуком. Но, увидев знакомую синюю обложку, снова открыла страницу с именем Дэниела.

Ниже последней записи, которую она прочитала днём, обнаружилась ещё одна строка.

Она была написана почти у самого края страницы, мелко, словно автор пытался уместить мысль в оставшемся свободном месте.

Алиса наклонилась ближе.

Если он когда-нибудь вернётся, не позволяй ему рассказать твою историю за тебя.

Она не помнила этих слов.

Не помнила, когда написала их и что именно имела в виду.

Но почерк принадлежал ей.

Она узнала наклон букв, слишком длинную верхнюю черту в букве «т» и маленькую точку, которую всегда ставила после последнего слова, даже если это была не точка, а конец заметки.

Алиса медленно провела пальцем под строкой.

В комнате было тепло, но ей казалось, что она стоит посреди улицы под холодным дождём.

Она могла придумать тысячу объяснений. Могла решить, что это всего лишь старая запись, смысл которой давно забыт. Могла снова закрыть блокнот, убрать его в ящик и продолжить писать историю о мужчине, который всегда возвращался вовремя.

Но впервые за семь лет она допустила мысль, от которой прежде отказывалась.

Возможно, она не просто изменила конец.

Возможно, она изменила всё, что привело к нему.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Алиса вздрогнула и посмотрела на экран.

Новое сообщение.

Номер не был сохранён в контактах. Никакого текста в уведомлении не отображалось, только приглашение открыть переписку.

Она несколько секунд не двигалась.

Потом взяла телефон.

Сообщение состояло из одного предложения.

Не ходи на презентацию в одиночку.

Ни имени.

Ни объяснения.

Ни подписи.

Алиса перечитала фразу, чувствуя, как внутри поднимается холодная, почти бесцветная злость. Страх был бы проще. Страх позволил бы ей спрятаться, отказаться от мероприятий, позвонить Виктории и потребовать объяснений.

Но злость означала, что кто-то уже перешёл границу.

Кто-то решил, что имеет право указывать ей, куда идти и чего бояться.

Она набрала ответ:

Кто это?

На этот раз отправила.

Сообщение было доставлено.

Алиса ждала.

Одна минута.

Две.

Пять.

Ответа не последовало.

Она положила телефон экраном вниз и посмотрела на блокнот. За окном окончательно стемнело. В соседних окнах горел свет, на мокром асфальте дрожали отражения фонарей, а ветер всё так же раскачивал ветви дерева напротив дома.

Лондон хранил свои тайны.

Но иногда, казалось, он уставал молчать.

Алиса закрыла блокнот, убрала его в ящик и выключила лампу.

В темноте кабинет стал почти незнакомым. Контуры мебели растворились в сумраке, и только экран телефона продолжал светиться на столе, словно маленькое окно в другую жизнь.

Она ещё не знала, что на следующей неделе, среди людей в дорогих костюмах и приглушённого света старинного зала, увидит Дэниела Уитмора.

Не знала, что он посмотрит на неё так, будто между ними не было ни одного потерянного дня.

И не знала, что первое, о чём она пожалеет, — это не о том, что он вернулся.

А о том, что часть её всё это время ждала.

Глава третья

Семь лет тишины

В четверг Лондон проснулся под низким, бесцветным небом.

Ночной дождь оставил на тротуарах тёмные разводы, на подоконниках — мелкие капли, а на листьях платанов вдоль Рассел-сквер — тонкий блеск, похожий на серебряную пыль. Осень вступала в свои права осторожно, без резких перемен. Деревья ещё сохраняли большую часть листвы, но в зелени уже появлялись охристые пятна, а ветер всё чаще приносил запах сырой земли и холодной воды.

Алиса стояла у окна кухни с чашкой кофе и смотрела, как напротив открывается маленькая цветочная лавка.

Хозяйка, невысокая женщина с седыми волосами, выставляла на улицу ведра с хризантемами и ветками эвкалипта. Она делала это каждое утро, независимо от погоды, словно между ней и Лондоном существовало негласное соглашение: пока на улице стоят цветы, день ещё можно считать удачным.

Алиса иногда покупала у неё белые розы. Не потому, что любила именно розы, а потому, что хозяйка никогда не пыталась завести разговор. Она просто заворачивала цветы в коричневую бумагу, принимала деньги и желала хорошего дня. В её молчании не было ни неловкости, ни скрытого ожидания.

В последнее время Алисе особенно нравились люди, которые ничего от неё не хотели.

Она сделала глоток кофе. Он был слишком горячим и горьким, но именно таким ей сейчас и требовался.

Телефон лежал на столе рядом с раскрытым ежедневником. С момента последнего сообщения прошло почти двое суток. Неизвестный номер больше не появлялся, новых писем не было, а попытка проверить происхождение посылки закончилась ничем. Курьерская служба подтвердила только время доставки и отказалась раскрывать сведения об отправителе без официального запроса.

Вчера Алиса почти убедила себя, что на этом всё закончится.

Сегодня она уже не была уверена.

Существовала неприятная разница между отсутствием угрозы и ощущением, что угроза исчезла. Первое было фактом. Второе — надеждой, причём не самой надёжной.

Она старалась не думать об этом, но мысли всё равно возвращались к синему блокноту, запертому в ящике письменного стола. Иногда ей казалось, что она помнит каждую запись, каждую страницу, каждую фразу, написанную в те годы. В другие минуты возникало ощущение, будто кто-то вырезал из её памяти целые куски и оставил только то, что позволило ей продолжать жить.

И чем сильнее она пыталась восстановить прошлое, тем отчётливее понимала: воспоминания не возвращались по её желанию.

Они приходили сами.

Чаще всего ночью.

Иногда — в совершенно неподходящие моменты, когда она стояла в очереди за кофе или выбирала книги в магазине. Один запах, случайная мелодия, знакомый оттенок света на стене — и вот она уже не в Лондоне, а в другом городе, в другой квартире, рядом с человеком, которого не видела семь лет.

Дэниел Уитмор.

Даже мысленно произносить его имя было неприятно. Не потому, что оно причиняло прежнюю боль, а потому, что боль оказалась не такой простой, как она привыкла считать. В ней смешивались обида, нежность, злость и что-то ещё, чему Алиса давно не находила подходящего названия.

Она знала, что время меняет чувства.

Но почему-то была уверена, что оно должно было уничтожить хотя бы некоторые из них.

Вместо этого оно словно убрало всё лишнее, оставив только самое трудное.

Алиса поставила чашку в раковину и вернулась в кабинет.

Сегодня она собиралась работать.

Не искать Дэниела в интернете. Не перечитывать старые записи. Не проверять телефон каждые пять минут.

Просто работать.

Ей оставалось закончить роман, подготовиться к презентации и отправить издателю биографию, которую Виктория просила ещё на прошлой неделе. Этого было достаточно для одного дня. Более того, этого было достаточно для целой жизни, если не усложнять её лишними вопросами.

Она включила компьютер.

На экране открылся документ с последней версией рукописи. В верхнем углу мигнуло уведомление от Джеймса Рида.

Сегодня в одиннадцать всё в силе? Я забронировал столик.

Алиса посмотрела на сообщение и почувствовала, как напряжение в плечах немного ослабло.

Встреча с Джеймсом была единственным пунктом в её расписании, который не вызывал желания отменить всё и остаться дома. Они собирались обсудить новую рукопись и предстоящую презентацию. Обычно Джеймс предпочитал офисные встречи, но на этот раз предложил пообедать в небольшом итальянском ресторане неподалёку от Ковент-Гардена.

Алиса ответила, что будет вовремя, и закрыла переписку.

Затем открыла главу, над которой работала последние несколько дней.

Марк Эшфорд стоял у окна дорогого отеля, глядя на женщину, которую когда-то потерял. За его спиной сиял ночной город, внизу проезжали автомобили, а на столе остывал нетронутый ужин. Сцена была выстроена правильно: место, время, напряжение, эмоциональная дистанция между героями.

Но Алиса вдруг поняла, что не знает, чего именно хочет Марк.

Она перечитала абзац.

Он хотел вернуть любимую женщину.

Это было очевидно.

Однако зачем?

Потому что любил её? Потому что боялся остаться один? Потому что не мог вынести мысли, что она будет счастлива с кем-то другим? Или потому, что впервые в жизни столкнулся с последствиями собственного решения и теперь пытался убедить себя, что всё ещё способен что-то исправить?

Алиса медленно убрала руки с клавиатуры.

Все эти варианты были правдоподобными.

Ни один не казался достаточным.

Она закрыла документ, взяла пальто и решила выйти пораньше.

Ресторан находился на тихой улице, где старые кирпичные здания соседствовали с небольшими галереями и магазинами, торгующими вещами, которые выглядели слишком дорогими для случайных покупателей. На окнах висели тёмные шторы, над входом покачи-

валась узкая металлическая вывеска, а изнутри доносился аромат свежего хлеба, чеснока и оливкового масла.

Джеймс уже ждал её у окна.

Он сидел за столиком в глубине зала, рядом с которым стояла высокая ваза с сухими ветками. На нём был тёмно-серый пиджак, белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и часы с кожаным ремешком. Его каштановые волосы, обычно аккуратно уложенные, слегка растрепались от ветра, а перед ним лежали раскрытый ежедневник и два листа с распечатанными заметками.

Когда Алиса вошла, он поднял голову и улыбнулся.

Улыбка у Джеймса была спокойной, тёплой, без той уверенности, которую некоторые мужчины использовали как оружие. Он не пытался сразу привлечь к себе внимание, не занимал собой всё пространство и не требовал от собеседника немедленной реакции. Рядом с ним можно было позволить себе небольшую паузу, не заполняя её словами.

Алиса давно ценила это качество.

— Ты выглядишь так, будто не спала, — заметил он, когда она сняла пальто.

— Очень деликатное начало встречи.

— Я могу начать с рукописи. Там всё ещё есть три страницы, которые ты обещала прислать вчера.

Она села напротив и впервые за несколько дней искренне улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю своего редактора.

Джеймс отложил бумаги и внимательно посмотрел на неё.

В его взгляде не было настойчивости, но Алиса всё равно почувствовала, что он заметил больше, чем сказал. Возможно, дело было в том, как она держала сумку на коленях, хотя обычно сразу убирала её на соседний стул. Или в том, что она почти не смотрела ему в глаза. Или в усталости, которую не удавалось скрыть даже привычным спокойным выражением лица.

Джеймс умел замечать детали.

Именно поэтому он был хорошим редактором.

Именно поэтому иногда рядом с ним становилось неуютно.

Они заказали пасту, салат и кофе. Первые несколько минут разговор шёл о работе: о сроках, рекламной кампании, реакции издательства на новую рукопись. Джеймс рассказал, что один из британских книжных магазинов запросил дополнительный тираж её предыдущего романа, а Виктория уже договорилась о двух интервью после презентации.

Алиса слушала, задавала вопросы и старалась не думать о том, что всё это происходило в жизни, которая ещё несколько дней назад казалась ей вполне устойчивой.

Потом Джеймс перевернул страницу ежедневника.

— Есть ещё одна вещь, которую я хотел обсудить.

Она подняла глаза.

— Звучит многообещающе.

— Не уверен, что тебе понравится.

— Тогда тем более говори.

Он помедлил, подбирая слова.

— В издательство пришёл запрос от одного из партнёров мероприятия. Они хотят, чтобы ты выступила не только как автор, но и как участница небольшой дискуссии о том, как личный опыт влияет на художественную литературу.

Алиса почувствовала, как внутри что-то настороженно сжалось.

— Кто организует дискуссию?

— Фонд Уитмор. Они поддерживают несколько культурных проектов и участвуют в финансировании мероприятия.

На секунду окружающий шум словно отступил.

Алиса смотрела на Джеймса, пытаясь сохранить обычное выражение лица. За соседним столиком звякнули приборы. Официант поставил перед ними корзинку с хлебом. У входа кто-то стряхнул воду с зонта.

Всё происходило совершенно обычно.

Только имя, прозвучавшее между ними, не имело права быть обычным.

— Фонд Уитмор? — переспросила она.

— Да. Ты о них слышала?

Алиса взяла стакан воды.

— Нет. Просто фамилия знакомая.

Она произнесла это настолько спокойно, что сама почти поверила собственным словам.

Джеймс кивнул и продолжил объяснять детали. По его словам, фонд финансировал литературные программы, поддерживал молодых авторов и регулярно устраивал закрытые встречи с издателями. Дискуссия должна была пройти в историческом здании неподалёку от Темзы, а после неё планировался небольшой приём.

Алиса слушала, но мысли уже ушли далеко от ресторана.

Фонд Уитмор.

Конечно.

Дэниел происходил из семьи, для которой благотворительность была не столько добрым поступком, сколько частью образа жизни. Его родители считали, что деньги обязывают человека делать что-то полезное для общества. Его отец входил в советы нескольких организаций, мать поддерживала музеи и образовательные проекты. В их доме регулярно проходили приёмы, где люди улыбались друг другу, обсуждали искусство и произносили правильные слова о долге, культуре и ответственности.

Алиса бывала там.

Однажды.

Потом ещё раз.

Она помнила огромные окна, светлые стены, свежие цветы в высоких вазах и бесконечные разговоры, в которых никто не говорил того, что действительно думал.

Она помнила, как чувствовала себя чужой среди этих людей.

И как Дэниел, заметив её растерянность, однажды вывел её на террасу, где можно было дышать.

Воспоминание было настолько отчётливым, что она почти ощутила прохладный воздух на коже.

— Алиса?

Она моргнула.

Джеймс смотрел на неё с лёгким беспокойством.

— Прости. Я задумалась.

— Я заметил.

Он не стал задавать лишних вопросов. Вместо этого подвинул к ней тарелку с салатом и вернулся к разговору о презентации. Алиса была благодарна ему за это, хотя одновременно чувствовала себя виноватой. Джеймс предлагал ей возможности, помогал с работой, заботился о том, чтобы она не перегружала себя, а она сидела напротив и пыталась понять, почему мужчина, которого не видела семь лет, вдруг снова оказался в центре её жизни.

Когда принесли кофе, Алиса наконец заставила себя задать вопрос, который не давал ей покоя.

— Ты знаешь, кто именно будет представлять фонд?

Джеймс посмотрел в ежедневник.

— Кажется, Дэниел Уитмор. Он один из руководителей. По крайней мере, его имя стоит в предварительной программе.

Алиса почувствовала, как пальцы сами собой сжались вокруг чашки.

Дэниел.

Теперь это было не случайное письмо, не неизвестный номер и не старый блокнот, который мог оказаться у кого угодно.

Это была реальность.

Он действительно находился в Лондоне.

Он был связан с мероприятием, на которое её пригласили.

И через несколько дней их пути могли пересечься не в воспоминаниях, а в настоящем.

— Ты ведь пойдёшь? — спросил Джеймс.

Алиса посмотрела на него.

Она могла отказаться. Сослаться на сроки, усталость, необходимость закончить рукопись. Могла попросить Викторию найти замену для дискуссии, а издательство — ограничиться презентацией. Всё это выглядело бы разумно.

Но тогда пришлось бы признать, что она боится.

Не человека, которого когда-то любила.

А того, что может вспомнить рядом с ним.

— Да, — ответила она после короткой паузы. — Конечно.

Джеймс улыбнулся, удовлетворённый решением, и снова заговорил о работе.

Алиса смотрела на кофе и думала, что иногда самые важные решения принимаются не потому, что человек готов к последствиям, а потому, что больше не может позволить себе убегать.

После обеда они прошлись по улице до ближайшего перекрёстка. Дождь прекратился, но ветер оставался холодным. Влажный воздух пах камнем, выхлопными газами и осенними листьями. На крышах старых зданий блестели капли, а в узких переулках уже начинали сгущаться тени.

Джеймс остановился возле станции метро.

— Если что-то случится перед мероприятием, позвони мне. Я буду рядом.

В его словах не было ничего особенного. Он говорил так не впервые, и обычно Алиса отвечала шуткой или благодарностью. Сегодня же она почувствовала неожиданное желание рассказать ему всё: о письме, о посылке, о блокноте, о строке, которая не давала ей покоя.

Но слова не появились.

Она не знала, как объяснить историю, которую сама себе рассказывала семь лет, и признаться, что, возможно, никогда не понимала её до конца.

— Спасибо, — сказала она.

Джеймс задержал на ней взгляд, словно собирался добавить что-то ещё, но передумал.

— Увидимся завтра. И не забудь прислать главы.

Он улыбнулся и направился к переходу.

Алиса смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в потоке прохожих. Джеймс был хорошим человеком. Надёжным, внимательным, терпеливым. Он никогда не заставлял её чувствовать себя виноватой за молчание и не пытался заполнить каждую паузу собственными словами.

Когда-то она думала, что именно такие качества и составляют основу любви.

Теперь ей казалось, что она всё ещё не знает, из чего она состоит.

До дома Алиса решила пройтись пешком.

Она свернула на улицу, ведущую к Ковент-Гардену, затем пошла вдоль витрин, в которых отражались прохожие и серое небо. Город постепенно наполнялся вечерним светом. В кафе зажигали лампы, у театров появлялись первые посетители, а на перекрёстках собирались люди, спешившие домой после рабочего дня.

Лондон умел быть красивым даже в плохую погоду.

Особенно в такую — когда небо казалось бесконечным, каменные фасады темнели от влаги, а окна старых зданий светились мягким золотом. В такие вечера Алиса любила идти без маршрута, позволяя городу самому выбирать направление. Иногда она заходила в книжный магазин, иногда покупала выпечку в маленькой пекарне, иногда просто шла, пока усталость не вытесняла мысли.

Сегодня мысли не отступали.

Фонд Уитмор.

Презентация.

Дэниел.

Она вспомнила последний раз, когда видела его.

Память сохранила не всё. Только отдельные детали: холодный свет в коридоре, тёмное пальто на спинке стула, чашку, которую кто-то оставил на подоконнике. Ещё — собственные руки, сжатые так сильно, что ногти впивались в ладони.

Она не помнила, сколько времени прошло между тем, как он вошёл в комнату, и тем, как она поняла, что что-то изменилось.

Не помнила, какие именно слова были произнесены первыми.

Но помнила ощущение.

Мир, которому она доверяла, вдруг перестал быть надёжным.

И человек, рядом с которым она чувствовала себя защищённой, оказался частью того, от чего ей нужно было защищаться.

Возможно, именно поэтому она так долго избегала воспоминаний. Не потому, что любила Дэниела слишком сильно. И не потому, что он причинил ей слишком много боли.

А потому, что она не могла отделить одно от другого.

В её памяти он оставался человеком, который умел замечать то, чего не видели другие. Который знал, когда она врёт, даже если она сама ещё не понимала, что лжёт. Который мог заставить её смеяться в самые неподходящие моменты и молчать рядом с ней так, что молчание не казалось пустым.

И тем же самым человеком он был, когда всё закончилось.

Алиса остановилась у витрины антикварного магазина.

За стеклом лежали старые часы, потемневшие серебряные рамки, фарфоровая фигурка лошади и несколько книг в кожаных переплётах. На полке у задней стены стояла маленькая шкатулка из тёмного дерева, украшенная тонкой металлической полосой.

Она вдруг вспомнила другую шкатулку.

Ту, которую Дэниел однажды подарил ей на день рождения.

Внутри лежала старая фотография, на которой они оба смеялись, не замечая, что их снимают. На обратной стороне он написал всего несколько слов. Алиса не перечитывала их уже много лет, но всё ещё помнила почерк.

Тогда ей казалось, что фотография станет одной из тех вещей, которые хранят всю жизнь.

Теперь она не знала, где находится шкатулка.

Возможно, в коробке на дне шкафа.

Возможно, среди вещей, которые она оставила в прежней квартире.

А возможно, выбросила в один из тех дней, когда пыталась избавиться от всего, что напоминало о прошлом.

Она отвернулась от витрины и продолжила путь.

Дома Алиса первым делом открыла ящик письменного стола.

Блокнот лежал там, где она его оставила.

Она достала его, положила на стол и долго смотрела на синюю обложку. Потом открыла последнюю страницу, на которой обнаружила предупреждение, написанное собственным почерком.

Если он когда-нибудь вернётся, не позволяй ему рассказать твою историю за тебя.

Эти слова больше не казались случайной заметкой.

В них было что-то отчаянное, почти испуганное. Не совет, который человек даёт себе на будущее, а просьба, обращённая к той версии себя, которая однажды может забыть, почему приняла определённое решение.

Алиса попыталась вспомнить обстоятельства, при которых могла написать это.

Ничего.

Она помнила вечер, когда познакомилась с Дэниелом. Помнила первую прогулку, первый поцелуй, разговоры о книгах и музыку, которую они слушали в машине, когда ехали за город. Помнила, как постепенно привыкла к его присутствию, как научилась узнавать его настроение по выражению лица и как однажды поймала себя на мысли, что больше не представляет будущего, в котором его нет.

Но между этими воспоминаниями существовали пробелы.

Небольшие, на первый взгляд незначительные.

Она не могла точно вспомнить, когда впервые услышала о его семье. Не помнила, как именно они познакомились с его отцом. Не могла восстановить последовательность нескольких дней перед их последней встречей.

Раньше она считала это обычной особенностью памяти. Люди забывают детали. Особенно те, которые не имеют отношения к настоящему.

Теперь каждый пробел казался дверью.

И за каждой дверью могла находиться история, которую она не хотела вспоминать.

Алиса закрыла блокнот и достала телефон.

Она снова открыла поисковик, ввела имя Дэниела и перешла на страницу фонда. На главной фотографии он стоял рядом с несколькими членами совета, одетый в тёмный костюм. На этот раз Алиса обратила внимание не на его лицо, а на руки.

На правой руке, чуть ниже большого пальца, виднелся тонкий светлый шрам.

Она помнила его.

Когда-то Дэниел порезал руку о разбитое стекло, помогая ей убрать последствия неосторожного движения. Он отмахнулся от её беспокойства, сказал, что это пустяк, и продолжил собирать осколки, пока она не заставила его сесть и позволить себе обработать рану.

Она тогда сердито отчитывала его за то, что он не умеет заботиться о себе.

Он смеялся.

Алиса почувствовала, как в груди возникло болезненное тепло.

Вот он — настоящий Дэниел.

Не фотография из статьи. Не имя в чужом письме. Не мужчина, которого она пыталась заменить литературным героем.

Человек, который однажды сидел на полу её кухни с перевязанной рукой и смотрел на неё так, будто ничего важнее этого вечера не существовало.

Она быстро закрыла страницу.

Нежность оказалась опаснее злости.

Злость позволяла держаться на расстоянии. Нежность стирала границы, заставляла вспоминать хорошее и задаваться вопросами, на которые не было безопасных ответов.

Алиса подошла к окну.

Внизу зажигались уличные фонари. Люди возвращались домой, несли бумажные пакеты, разговаривали по телефону, придерживали двери друг для друга. В одном из окон напротив женщина поливала комнатное растение, в другом мужчина читал газету, сидя в кресле.

У каждого была собственная жизнь.

Собственные воспоминания.

Собственная версия того, что произошло.

Алиса вдруг поняла, что никогда не спрашивала себя, как выглядело их расставание со стороны Дэниела.

Она знала только свою боль. Собственные вопросы. Собственную уверенность в том, что случившееся не оставляло другого выбора.

Но ведь он тоже присутствовал в той истории.

Он тоже принимал решения.

Он тоже мог помнить всё иначе.

Эта мысль была неприятной, почти оскорбительной. Ей хотелось оттолкнуть её, вернуть прошлое на привычное место, снова назвать себя человеком, который пережил предательство и сумел начать заново.

Однако теперь она не могла не замечать, насколько удобной была её версия событий.

В ней всё имело смысл.

В ней она была права.

И именно поэтому впервые за семь лет ей захотелось узнать, что осталось за пределами её собственной правды.

Поздно вечером, когда Алиса уже собиралась выключить компьютер, телефон завибрировал.

Она посмотрела на экран.

Неизвестный номер.

На этот раз сообщение содержало только одну строку:

Он тоже помнит тот вечер.

Алиса не сразу поняла, что перестала дышать.

Она перечитала сообщение. Потом ещё раз.

Никакого имени.

Никакого объяснения.

Но сомнений почти не осталось.

Кто бы ни отправлял эти сообщения, он знал о Дэниеле. Знал о прошлом. Возможно, знал и о том, что случилось в последний вечер, который они провели вместе.

Алиса почувствовала, как по коже пробежал холод.

Она набрала ответ:

Что произошло в тот вечер?

Палец задержался над кнопкой отправки.

Ей казалось, что вопрос обращён не к неизвестному человеку, а к самой себе. К той Алисе, которая когда-то стояла в коридоре, сжимая пальто. К той, которая потом уехала и решила, что больше никогда не вернётся к этой истории.

Она отправила сообщение.

На этот раз ответ пришёл почти сразу.

Спроси его сама.

Алиса смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться перед глазами.

Она не знала, кто был этот человек.

Не знала, почему он решил вмешаться в её жизнь.

И не знала, что именно Дэниел помнил о том вечере.

Но теперь у неё оставался один вопрос, от которого невозможно было спрятаться за работой, книгами или красивыми словами.

Если прошлое действительно было таким, каким она его помнила, почему кто-то так настойчиво пытался заставить её посмотреть на него ещё раз?

Алиса положила телефон на стол.

Затем открыла календарь презентации и нашла дату закрытого приёма.

До встречи с Дэниелом оставалось четыре дня.

Она долго смотрела на число, чувствуя, как внутри медленно поднимается нечто, чему не могла дать названия.

Не надежда.

Не страх.

Скорее, ощущение, что впереди находится дверь, за которой её ждёт человек, которого она когда-то любила.

И что на этот раз он может оказаться совсем не тем мужчиной, которого она помнила.

Глава четвёртая

Мужчина из прошлого

В пятницу Алиса проснулась раньше будильника.

За окном ещё царила предрассветная темнота. Небо над Лондоном было почти чёрным, лишь у самого горизонта проступала узкая полоса холодного синего света. Дождь закончился, но город оставался мокрым: крыши блестели, на стекле дрожали капли, а внизу, у перекрёстка, редкие автомобили оставляли за собой длинные отражения фонарей.

Она несколько минут лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине.

Ей приснился Дэниел.

Во сне они находились в незнакомом доме. За высокими окнами шумело море, хотя Алиса не могла вспомнить, чтобы когда-либо бывала с ним на побережье. В комнате пахло старой бумагой, древесиной и чем-то едва уловимым, напоминающим его парфюм. Дэниел стоял у двери спиной к ней, держа в руке сложенный лист.

Она пыталась спросить, почему он ушёл.

Но каждый раз, когда открывала рот, звук исчезал.

Потом он обернулся.

Лицо у него было таким, каким Алиса помнила его семь лет назад: чуть усталым, серьёзным, с той особенной складкой между бровями, которая появлялась, когда он хотел что-то сказать, но ещё не решил, имеет ли право.

Он посмотрел на неё и произнёс всего одну фразу:

Ты ведь тоже не всё помнишь.

После этого Алиса проснулась.

Теперь, глядя в темноту, она пыталась убедить себя, что сны ничего не означают. Её сознание просто соединяло обрывки недавних событий с воспоминаниями, которые она слишком долго избегала. Это было естественно. Даже скучно с точки зрения психологии.

Однако собственное объяснение не приносило облегчения.

Она встала, накинула халат и прошла на кухню.

Кофемашина загудела, наполняя квартиру привычным звуком. Алиса открыла окно на несколько сантиметров. В помещение проник холодный воздух, пахнущий дождём и мокрым камнем. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, а затем послышались быстрые шаги по тротуару.

Обычное утро.

Обычный город.

И четыре дня до встречи, которой она не хотела, но от которой уже не могла отказаться.

Алиса достала телефон и перечитала вчерашние сообщения.

Он тоже помнит тот вечер.

Спроси его сама.

Она не ответила. Не потому, что не хотела знать больше, а потому, что понимала: неизвестный отправитель мог вести её куда угодно. Он уже знал достаточно, чтобы напугать её, и, судя по всему, намеренно выдавал информацию небольшими порциями.

Это была игра.

И Алиса не собиралась играть по чужим правилам.

По крайней мере, она пыталась в это верить.

В семь утра она открыла ноутбук и нашла программу закрытого приёма. Имя Дэниела Уитмора стояло в списке участников рядом с именами представителей издательств и несколь-

ких известных авторов. Напротив его фамилии значилось: «Председатель попечительского совета фонда».

Алиса задержала взгляд на фотографии.

На снимке Дэниел стоял у окна в светлом зале. За его спиной виднелся старинный камин, а на стенах висели картины в тяжёлых золотых рамах. Он выглядел совершенно естественно среди дорогой мебели и людей, привыкших к закрытым мероприятиям.

Когда-то она думала, что этот мир ему не подходит.

Дэниел любил старые книжные магазины, дешёвый кофе и прогулки без определённой цели. Он мог провести целый вечер, обсуждая архитектуру незнакомого здания, а потом забыть, где припарковал машину. В нём было что-то несовместимое с безупречной жизнью, которую планировала для него семья.

Алиса даже не представляла, что однажды он станет частью этого мира.

Хотя, если быть честной, она никогда не знала, чего он действительно хотел.

Она закрыла страницу.

Эта мысль раздражала сильнее, чем следовало.

В половине одиннадцатого позвонила Виктория.

Алиса как раз выбирала платье для презентации и стояла перед открытым шкафом, где тёмные ткани перемежались с несколькими яркими вещами, купленными в моменты внезапного оптимизма.

— Надеюсь, ты не забыла о завтрашней примерке, — произнесла агент после приветствия. — И пожалуйста, не говори, что собираешься прийти в чём-нибудь, что купила пять лет назад.

— Некоторые вещи не теряют актуальности.

— Некоторые вещи теряют актуальность вместе со своими владельцами.

Алиса невольно улыбнулась.

Виктория умела превращать даже замечания о чужом гардеробе в деловую беседу. Ей было около сорока пяти, она обладала безошибочным вкусом и считала, что внешний вид автора — не пустая формальность, а продолжение его публичного образа. По её мнению, писатель мог быть сколько угодно загадочным на страницах книги, но на встречу с журналистами обязан приходить вовремя и в хорошо сидящем костюме.

— Я посмотрю, что можно сделать, — пообещала Алиса.

— Вот и прекрасно. Кстати, ты получила обновлённый список гостей?

— Пока нет.

— Я отправила его вчера вечером. Проверь почту. И ещё: небольшое изменение в программе. Дискуссия начнётся раньше, чем планировалось. Организаторы хотят оставить больше времени для общения с гостями.

Алиса замерла перед шкафом.

— Кто будет вести дискуссию?

— Один из представителей фонда. Дэниел Уитмор.

Имя прозвучало так естественно, будто Виктория сообщила ей о переносе встречи или изменении адреса.

Алиса медленно опустила руку.

— Он лично будет вести дискуссию?

— Да. Кажется, это его идея. Он проявил интерес к твоей последней книге и попросил включить тебя в программу.

В комнате стало слишком тихо.

— Интересно, — сказала Алиса.

Она не узнала собственный голос. Он прозвучал спокойно, почти равнодушно, хотя внутри всё сжалось в тугой узел.

— Ещё бы. Это хорошая возможность, — продолжила Виктория. — Фонд серьёзный, связи у них отличные. Если всё пройдёт удачно, можно будет обсудить дальнейшее сотрудничество. Ты ведь не против?

Алиса посмотрела на своё отражение в зеркале.

Она выглядела уставшей. Под глазами залегли тени, волосы были собраны в небрежный узел, а на лице застыло выражение человека, который пытается решить задачу, не зная всех исходных данных.

— Нет, — ответила она. — Не против.

— Отлично. Тогда увидимся завтра на месте. И, пожалуйста, пришли мне обновлённую биографию.

Виктория попрощалась и отключилась.

Алиса ещё некоторое время держала телефон в руке.

Дэниел попросил включить её в программу.

Это могло означать что угодно. Он мог знать о её литературном успехе и захотеть пригласить автора, чьи книги хорошо продавались. Мог не знать, что Алиса будет участвовать в мероприятии, пока не увидел окончательный список. Мог вообще не иметь никакого отношения к выбору гостей.

Но он был одним из руководителей фонда.

И он знал её имя.

Этого было достаточно, чтобы перестать верить в случайность.

Алиса вернулась к шкафу и достала тёмно-синее платье с длинными рукавами. Оно было простым, почти строгим, с мягкой линией плеч и тонким поясом на талии. Она купила его после выхода третьего романа и надевала всего дважды.

В зеркале платье выглядело безупречно.

Алиса подумала, что именно этого от неё и ждут: безупречного внешнего вида, спокойной улыбки, правильных ответов и способности говорить о любви так, словно она не имеет к ней никакого отношения.

Она аккуратно повесила платье на дверцу шкафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.